ГЕОГРАФИЯ ВЫШКИ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

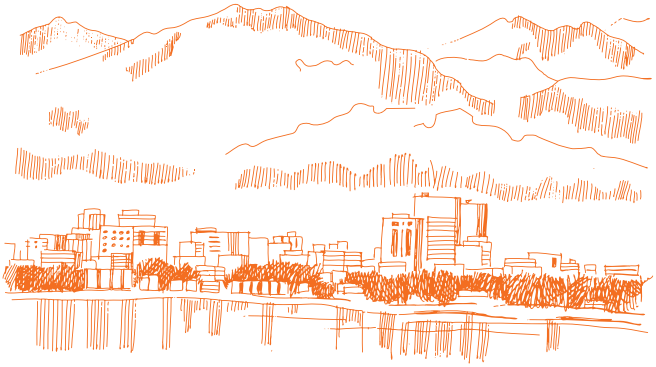
ОКНА АКАДЕМИЧЕСКОГО РОСТА

ПРИЛОЖЕНИЕ К ИНФОРМАЦИОННОМУ БЮЛЛЕТЕНЮ

№ 7 (18), сентябрь, 2017

МОСКВА • НИЖНИЙ НОВГОРОД • ПЕРМЬ • САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В сентябрьском выпуске профессор Школы филологии Мира Бергельсон рассказывает об Анкоридже.



АНКОРИДЖ

На Аляску я в первый раз попала не то чтобы случайно, но не по своей воле. Мой муж, Андрей Кибрик, лингвист, специалист по атабаскским языкам, получил предложение, от которого трудно отказаться. Директор Центра по изучению языков коренных народов Аляски (Alaska Native Language Center) услышал его доклад на конференции и предложил ему заняться документированием еще одного, плохо документированного языка внутренней Аляски, языка атабасков, живущих в верховьях реки Кускоквим. Атабаски вместе с эскимосами и алеутами как раз и составляют коренное население Аляски. В обыденном употреблении их по-русски называют индейцами, но это, конечно же, не научное обозначение. Научного – языкового или антропологического – понятия «индеец» нет. Но самая крупная группа языков тех, кого мы зовем индейцами Северной Америки, это как раз атабаскская группа.

Это было довольно уникальное предложение, потому что они выбрали не американца, а специалиста из России. Действительно, Андрей – один из немногих специалистов в мире по этим языкам. До этого он занимался навахо – это тоже атабаскский язык. И вот поступило такое предложение. Я в этот момент ушла с одной работы и еще не начала преподавать в МГУ, поэтому была птицей свободного полета, получившей к тому же американский грант на освоение тогда еще новых для наших университетов специальностей. Так мы первый раз попали на Аляску. Сразу было ясно, что мероприятие длительное, рискованное. **Внутренняя Аляска двадцать лет назад – это вполне себе суровые условия.** Мы оказались в маленькой деревушке под названием Николай. По-американски она считается «городом второй категории», но по нашим масштабам это деревушка, максимум 100 домов. «Открытие Аляски» совершенно поразило нас всех. Сначала я писала об этом как доморощенный журналист. Шел 1997 год, тогда еще не было понятия блога, не было ничего, кроме электронной почты. Фактически я тогда вела то, что сейчас назвали бы блогом или живым журналом. Писала мейлы на английском языке, рассылала их 25–30 адресатам – друзьям и коллегам в России и США, делилась своими впечатлениями о нашей жизни. Писала потому, что не могла не писать, настолько **все, с чем мы столкнулись, разительно отличалось от моего предшествующего жизненного опыта.** Было очень интересно погрузиться в жизнь атабасков, этих православных индейцев, и с антропологической, социокультурной точки зрения, и с точки зрения лингвиста. И надо сказать, что этот мой предблог пользовался колоссальным успехом: впоследствии меня попросили перевести все на русский, и я опубликовала статью в журнале «Итоги». Но поначалу все было написано на английском языке. До сих пор эти тексты есть в Сети, висят на сайте Российской коммуникативной ассоциации. Можно зайти и почитать, называется “Letters to friends”.

Ясно, что за одну экспедицию Андрей не справился и не мог справиться. Когда лингвисты описывают язык, который находится в угрожающем состоянии, или, еще хуже, язык, обреченный на вымирание, **endangered language,** на это обычно уходит целая жизнь, потому что собирать приходится по крупицам. А собрать надо как можно больше. Через 15–20 лет, когда умрут старики, на этом языке уже никто не будет разговаривать. Дети его не знают и не учат, а среднее поколение уже не говорит. Поэтому так важно успеть задокументировать то, что позволит сохранить словарь, описать грамматику, зафиксировать звучащую речь, язык в действии. У нас в стране тоже немало языков в угрожающем состоянии, но на территории Северо-Американских Штатов таких языков еще больше. Огромное число языков вымерло, фактически было уничтожено. Только в последней трети XX века стали заниматься их документацией и описанием. Для американских лингвистов это очень естественное дело, когда к какому-то языку прикреплен человек и он делает эту работу. Атабаскские языки объективно очень трудные для описания со структурной,

типологической точки зрения, и это дополнительно осложнило ситуацию. В общем, довольно скоро стало ясно, что описать грамматику этого языка – дело долгое, фактически оно до сих пор еще не закончено, хотя проведена огромная работа. Поэтому было понятно, что мы когда-нибудь еще захотим туда вернуться.

Второй раз я попала на Аляску уже как фулбрайтовский исследователь, выиграла грант по исследовательскому проекту, ведь ездить туда просто так – очень дорогое удовольствие, да и менее осмысленное. Я была аффилирована с Университетом Аляски. Университет располагает несколькими кампусами, в том числе и в маленьких деревушках, но два крупных – в городах Анкоридж и Фэрбенкс. Формально я была прикреплена к Фэрбенксу, потому что там кафедра лингвистической антропологии, но мы жили преимущественно в Анкоридже. К тому времени (2001 год) я ставила перед собой вполне конкретные научные задачи, требующие проведения исследования в деревне Николай. Меня всегда интересовал язык с точки зрения того, как людям удается понимать друг друга, как культурные ограничения и ситуативные обстоятельства влияют на коммуникацию. Тема моей работы, составившей потом существенную часть моей докторской диссертации, была связана с коммуникативной традицией северных атабасков. Она у них (как и у эскимосов с алеутами) очень специфическая, настолько отличающаяся от европейской, что нам их рассказы, их сказки, их мифы кажутся бессмысленным нагромождением повторяющихся подробностей. (Впрочем, для них наши рассказы, построенные по европейской традиционной схеме, тоже трудны для восприятия.) И меня заинтересовал вопрос: изменилась ли как-то коммуникативная традиция атабасков в том поколении, которое фактически перешло со своего родного верхнекускоквимского языка, на котором эти люди говорили в детстве, на английский? Ведь рассказывание историй – очень важный компонент их культурной традиции, один из трех основных: православие (они православные, хотя и «чистые индейцы»), передача опыта посредством рассказов и традиционный образ жизни. Влияет ли смена языка на смену нарративной традиции, при том что они столь различны? Я проводила там это исследование, собирала рассказы на английском языке, анализировала их, нашла некоторые позитивные свидетельства сохранности традиции рассказывания даже при переходе на другой (английский) язык. С тех пор тема нарративов, или рассказывания историй, стала для меня одной из важнейших в исследовании языка и человеческой коммуникации.

Вот такая долгая предыстория того, как мы оказались на Аляске, в Анкоридже. **Город Анкоридж – это действительно такие ворота Аляски.** Прилетая на Аляску, попадаешь в него. Вообще говоря, Анкоридж – город нетрадиционный. Он не был городом русской Америки, как, например, нынешняя Ситка (во времена русской Америки – Ново-Архангельск). Возник он уже в американскую эпоху, тогда, когда на Аляске в 1915 году стали строить железную дорогу, возник сначала просто как железнодорожный центр на берегу удобной бухты, в глубине залива Кука. Вокруг этого центра постепенно и вырос город, формально основанный на месте лагеря рабочих-железнодорожников Шип-Крик (Sheep Creek). Как строился город, видно по названиям улиц, по номерам улиц – в Америке улицы нумерованы. И по номерам видно, как город двигался от железнодорожного узла, рос, расширялся. Он играл важную роль транспортного военно-воздушного хаба во время Второй мировой войны.

Сначала Анкоридж был для нас просто базой, куда мы прилетали и еще несколько дней готовились к экспедиции in the bush, в глубинку. Ведь невозможно везти с собой из Москвы и летнюю, и зимнюю одежду, и продукты, и оборудование и проч. Первое время мы с Андреем останавливались у наших коллег по университету, потом у нас там появились очень хорошие друзья, с которыми мы познакомились прямо в «поле», в той самой деревне, где проводили работу. Один из них – Джим Бауерс, замечательный человек, сейчас уже на пенсии, но все еще активно работающий. Его так поразила наша с Андреем деятельность, он проникся таким уважением к ее предмету, что в Университете Аляски на базе анкориджского кампуса он основал стипендию нашего имени. Она так и называется Mira Bergelson & Andrey Kibrik scholarship. (Я попала на первое место просто по алфавитному принципу.) То есть он в течение многих лет и даже, по-моему, до сих пор выделяет небольшие деньги на поддержку проектов студентов, которые занимаются языками, проблемами коммуникации, культуры. Это небольшие деньги, не миллионные гранты, но эти деньги позволяют двум студентам (один из России, другой из Америки) покрыть какие-то расходы по учебе, помогают в их исследовательских проектах, стажировках и обменах. В Америке такое частное спонсорство очень распространено. Но, конечно, когда мы про это узнали, нас это потрясло.

Мы останавливались в доме у нашего друга Джима. Он выделял нам грузовичок, и в течение нескольких дней мы разъезжали по разным магазинам, отправляли продукты на самолетике в нашу деревню. Тогда, в 1997–2001 годах, от Анкориджа до Николая нужно было добираться с пересадкой: сначала на самолете на 30 мест до райцентра, потом на легком самолетике, на 2–4 человека, уже до места. Сейчас открыли прямые рейсы из Анкориджа в Николай, но это тоже самолет максимум на 9 человек. И там всегда проблема разместить людей и грузы, потому что люди, которые живут в Николае, естественно, тоже возят туда продукты и все прочее самолетами.

Последний раз мы провели в Анкоридже довольно много времени, потому что кроме того проекта, о котором я уже рассказала, у нас появился еще один проект. Он возник совершенно случайно еще в первый наш приезд, в 1997 году, когда по сарафанному радио стало известно, что вот тут, в Николае, живет семья русских лингвистов. И тогда местные активисты из города Кенай пригласили нас приехать для того, чтобы описать язык их родителей и дедов-прадедов – **уникальный русский диалект, сохранившийся в поселке Нинильчик** (и в ряде других мест) со времен русской Америки. Нинильчик находится на полуострове Кенай, к юго-западу от Анкориджа. Сейчас до Нинильчика от Анкориджа можно добраться за 40 минут, просто перелетев через залив Кука, тоже на малюсеньком самолетике. Или обогнув залив Кука на машине: в 1950-х там построили дорогу, хайвей – можно часов за 6 доехать. Мы проработали там всего две недели. Потом этот проект пришлось отложить в долгий ящик. Но в 2010 году работа возобновилась. Он стал для меня самым главным делом.

Так получилось, что в 2013 году мы с мужем делали очередной доклад об этом нинильчикском русском, и почему-то на этот доклад пришли какие-то корреспонденты. Как впоследствии оказалось, из РИА Новости. На следующий день прямо по всему свету разлетелась новость о том, что вот мы, мол, открыли новый

диалект русского языка. У нас и телеинтервью брали, и радио-, и американские средства массовой информации, и наши. Во-первых, мы его не открывали, про него давно знали. А во-вторых, он там был. Этот диалект русского языка, к сожалению, тоже обречен на очень близкую смерть. Осталось буквально 5–7 человек, которые говорят на нем, и все они старше 80 лет. Это люди, для которых русский язык является родным, это единственный язык, который они знали до того, как пошли в американскую школу. Они говорят на нем, конечно, но очень мало и не знают ни одной русской буквы. Когда в 1847 году поселок Нинильчик был основан как место для пенсионеров Российско-Американской компании, там поселились несколько семей, постепенно возникло целое русскоговорящее сообщество. После продажи русской Америки 20 лет ни один корабль туда не заходил, так что **язык долгое время развивался в изоляции,** что очень важно для его судьбы. Это абсолютно полноценный вариант русского языка, родной язык нескольких поколений, для многих он был единственным языком. Может быть, на первых этапах там существовало двуязычие, так как эскимосская часть семей владела и языком сугпияк, языком кадьякских эскимосов. Позже, уже в XX веке, возникло англо-русское двуязычие. Но в конце XIX века, когда в Нинильчике действовала церковноприходская школа, где дети изучали грамоту, это была полноценная, практически одноязычная ситуация. И вот все это оказалось для меня очень важной темой. Такая потрясающая история сохранности культурных традиций, того, как при полной оторванности от метрополии люди в значительной степени сохранили русские традиции: какие-то детские поговорки, стихи, русские варианты игр и т.п., – и еще то, как в этом языке проявляется русский язык XIX века, русские северные и сибирские диалекты, просторечие того времени. Этот язык обладает своими особенностями в произношении, в грамматике. В этом языке 80% обычных русских слов с некоторыми анахроническими и диалектными вариантами. Это слова, которые в XX веке значат одно, а в XIX веке они значили другое, и там они сохранились в их изначальном значении. Например, слово «уишка» (в нинильчикском русском нет «в», у них вместо «в» произносится звук, похожий на английское “w”). Уишка – это второй этаж дома. Действительно, в XIX веке у Достоевского второй этаж в доме назывался именно так: «на вышке» значит «наверху, на втором этаже».

Так получилось, что Аляска и Анкоридж, университет Анкориджа стали очень существенной частью моей академической жизни. Сейчас мы работаем над словарем, описывающим лексику местного варианта русского языка. На данной стадии **проект адресован не лингвистам, а пользователям, носителям языка.** Это больше всего сейчас меня занимает, и я чувствую моральную ответственность за скорейшее завершение этого этапа работы.

Летом 2014 года, закончив проект в Нинильчике, мы переехали в Анкоридж, где я занималась обработкой собранных данных, и через некоторое время мы снова поехали в Николай. Конечно, за тот месяц, который мы полноценно провели в Анкоридже, то, что мы знали про этот город, приобрело какой-то особый оттенок, город перестал быть для нас просто «пересадочным узлом». Возвращаясь из «поля», мы обычно выступали в университете с докладами. Но в этот раз мы жили прямо на территории университета. Летом там, конечно, проходят в основном летние программы, это не типичный семестр, регулярных занятий нет, и у нас в этот раз не было выступлений перед университетской аудиторией. Тем не менее тогда, живя внутри, в том, что называется university housing – на территории кампуса, мы прочувствовали университетскую жизнь гораздо лучше. **В Анкоридже, как и вообще на Аляске, есть ощущение такого приволья, или frontier, –** границы между цивилизацией и дикой природой, которая ну совсем рядом. Это то, что вызывает зависть у американцев, живущих в больших городах, и у людей, ценящих не только городскую жизнь. Я тоже это очень ценю, люблю жить за городом. Хотя я живу в центре Москвы, но половину недели стараюсь по возможности проводить в Московской области, где я родилась. Поэтому жизнь в Анкоридже летом 2014 года, когда рядом лес, когда грибы, была просто удивительно полноценной. Фактически месяцы, в которые мы до этого бывали в Анкоридже, – это август, сентябрь, октябрь. Приходится же ехать, когда заканчиваешь все дела в Москве. А с другой стороны, нельзя слишком надолго задерживаться, потому что очень холодно: октябрь на Аляске – это уже лютая зима. Первый раз мы попали на Аляску в конце марта, это тоже была еще лютая зима, а уезжали в мае в жару. Так что с точки зрения человека, не привыкшего к Крайнему Северу, август-сентябрь, конечно, лучшее время. В это время осенняя природа, которая очень дорога мне везде, там предстает в полной красе.

Город Анкоридж построен просторно. Это типичный современный американский город. У него есть деловой центр, своего рода Сити. По-моему, там даже стоит один небоскреб высотой этажей в 40, а может, их даже два или три. Но в основном это так называемая одноэтажная Америка. Аляскинские дома не похожи на дома Восточного побережья США и тем более европейских столиц. Они гораздо менее изысканны, чем те, из коричневого кирпича, это в основном каркасные дома, рассчитанные на суровую зиму, и выглядят они довольно просто. Но это дома, которые предназначены для жизни в условиях Крайнего Севера, причем для жизни комфортной, уютной, красивой, светлой и теплой. Это отдельная тема, тоже мне близкая. Когда попадаешь в такой дом, ты чувствуешь крепость и основательность жизни, не важно, кто его хозяин, университетский профессор или владелец ремонтной мастерской. **Для того чтобы жить на Аляске, нужно любить природу,** нужно понимать, что такое суровая зима и жаркое комариное лето. Там, кстати, вполне может быть жарко, так что нужно иметь большой погреб, большой морозильник, люди там любят запасаться, и там все такое большое и прочное. Это вообще характерно для Америки, но для Аляски в особенности. Вот такой город стал для нас воротами в Аляску – сельскую, совершенно экзотическую, затерянную, без мобильной связи. Интернет в Николае сейчас уже есть, а мобильной связи по-прежнему нет. И Аляску очень разную. Николай – это Внутренняя Аляска, за Аляскинским хребтом. Это тайга, практически уже полутундра, на границе вечной мерзлоты. В Нинильчике, который находится к югу, на Кенайском полуострове, зимой тоже очень холодно, но летом это прекрасное, можно сказать, курортное место. С очень красивым заливом, потрясающим видом на горы на другой его стороне. Это место, где исторически русские обитатели Кенайского полуострова профессионально ловили красную рыбу.

Другим существенным элементом является политика мультикультурализма и поддержки культур коренных народов штата. На Аляске представлены три группы автохтонного, коренного населения и около 20 различных языков. Во-первых, это атабаски, говорящие на атабаскских же языках, довольно сильно различающихся между собой, но тем не менее все они – это одна культура, одна цивилизация. Вторая группа – это эскимосы, третья – алеуты. Они занимают различные ареалы на территории Аляски. И вот культуры этих народов всячески поддерживаются, и всячески поддерживаются соответствующие образовательные инициативы. В частности, осенью в течение нескольких дней в даунтауне в каком-нибудь большом городском центре проводится ярмарка, на которую все съезжаются. Это одновременно и ярмарка, и выставка, и конференция, и съезд представителей коренных народов. Такое характерно для разных мест – такие события происходят и на севере Европы, и у нас в Сибири и на Дальнем Востоке, но на Аляске это центральное событие года. В Анкоридже действует замечательный музей, связанный с историей и культурой местных народов, краеведческий, мы бы сказали. Он играет большую образовательную роль, там всегда бывают дети. Там представлены прекрасные образцы традиционных ремесел, образа жизни, костюмов, устройства быта.

Туристы обычно посещают парк Денали. Это национальный заповедник Аляски. Денали – это атабаскское название горы Мак-Кинли. Сейчас ее официально называют Денали, вернули атабаскское название. Это самая высокая вершина Северной Америки и вторая по высоте вершина в Северной и в Южной Америке – 20 тысяч футов, больше 6 тысяч метров. Самое удивительное в ней то, что она возвышается над совершенно плоским ландшафтом. Вот, например, на Кавказе едешь, и постепенно горы становятся выше и выше, а тут **едешь по плоской равнине, и вдруг перед тобой вырастает гора в 6 тысяч метров.** Денали расположена в национальном парке, который представляет большой интерес. Однако, сколько раз мы ни ездили на Аляску, честно говоря, ни разу туда не выбрались, потому что для людей, которые были в реально диких местах, где действительно могут медведи прийти на помойку и нужно брать с собой ружье, когда идешь куда-то из дому, – ехать в парк с туристами было неинтересно. А вообще туристам там заказывают вертолетные экскурсии. В принципе, туристы по Аляске перемещаются на самолетах и вертолетах, потому что на машине тут далеко не уедешь. На Аляске очень мало дорог, они практически все расположены вокруг Анкориджа, некоторые вокруг Фэрбенкса. Но между этими двумя городами идет шоссе. Как раз мимо парка Денали. И все же **основным средством передвижения здесь является самолет.** И у достаточно большого количества людей имеются собственные небольшие самолетики, в том числе гидросамолеты. В Анкоридже есть чудесное место, озеро в центре города, где базируются эти самолеты, они регулярно взлетают, и это такой значимый элемент пейзажа. Туристы летают и на Северный склон, есть такое понятие – North Slope. Это самая северная, заполярная, часть Аляски, там добывают нефть, оттуда из Барроу через всю Аляску протянут нефтепровод. Еще одно интересное место – это город Ном на южном побережье полуострова Сьюард, на западе Аляски. С этим городом связана знаменитая история соревнования собачьих упряжек, называемого Айдитарод, когда в 1925 году в Ном нужно было доставить вакцину против кори. Масса фильмов и мультфильмов про это снято. Эту гонку возродили, и сейчас она регулярно проходит по тем местам, где реально проходила в 1920-е годы. В частности, через ту деревню Николай, где мы жили много раз. Сами мы никогда при этом не присутствовали, потому что Айдитарод проходит в конце февраля – начале марта, но это очень важное мероприятие для города. Начинается она от Анкориджа, потому что вакцину везли оттуда, а заканчивается на берегу залива Берингова моря.

По карте видно, что из Анкориджа можно ехать на Кенайский полуостров вдоль берега залива Кука. Там проходит та самая железная дорога, которая в начале XX века послужила причиной возникновения города и вела к рудникам. Она сохранилась и сейчас, но теперь выполняет скорее туристические функции. У этого залива Кука есть рукав, называемый Turnagain Arm. Это название происходит – так, во всяком случае, гласит легенда – от того, что капитан Кук в свое время в поисках северного прохода плыл вдоль побережья Аляски и заходил в длинные и узкие проходы, надеясь, что очередной залив окажется не заливом, а проливом. И когда он зашел в этот залив и дошел до его конца, то ему пришлось turn again – снова поворачивать назад. Так он теперь и называется. Для того чтобы попасть на Кенайский полуостров из Анкориджа, приходится объезжать этот аппендикс залива Кука, и это очень красивая дорога. В 1964 году там произошло сильнейшее землетрясение. Оно имело, в частности, последствия для русского языка, потому что разрушило поселения на острове Кадьяк, где тоже находились компактные места проживания потомков поселенцев русской Америки. Но то, о чем я хочу сейчас сказать, связано с геологическими изменениями. При землетрясении слегка поднялось дно при входе в этот залив Turnagain. В результате этого, во-первых, оттуда ушел кит белуха, и сейчас экологи пытаются снова заманить его обратно. А во-вторых, возникло такое интересное явление, которое называется «приливная волна». В определенные дни каждого месяца там бывают очень сильные приливы и отливы. Из-за того, что залив такой длинный, узкий и мелкий, разница между приливом и отливом колоссальная. В момент, когда начинается прилив, со стороны моря идет такая волна, как мини-цунами, одна-единственная волна, приподнятая над основной массой воды на каких-то 50 см – метр, но шириной в несколько метров и длиной в 15–18 км. **Летом катание на этой приливной волне является одним из любимых развлечений жителей Анкориджа.** Люди стараются использовать этот момент для такого особого серфинга. Обычно это происходит на закате. С другой стороны, с этим явлением связаны и разные трагические истории, потому что при отливе очень сильно обнажается дно. Фактически можно пешком дойти до островов, торчащих посреди залива. Но если не рассчитать время и чуть-чуть там задержаться, тебя засосет, потому что на самом деле это дно морское представляет собой зыбучие пески.

Я надеюсь еще побывать в этом удивительном крае – на Аляске, таком богатом природными и историческими чудесами.

Выпускается НИУ ВШЭ. Редактор Сергей Матвеев.
Материалы подготовлены при участии Владимира Селивёрстова. Иллюстрации Наталии Гвоздевой.
Контакты: okna@hse.ru, (495) 772 9590, доб. 12-677.
Подписаться на рассылку можно здесь: www.okna.hse.ru. Дата выпуска: 14.09.2017.